

М.И. Якушев
(Центр национальной славы России, Москва)

ПЕРВЫЙ ПАТРИАРХ-АРАБ НА АНТИОХИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ

В конце XIX в. греко-арабское противостояние в лоне Антиохийской православной, или «Сирийской», церкви достигло своего апогея. В результате по требованию Высокой Порты (османского правительства), греческих и арабских митрополитов, а также православных мрян-арабов патриарх-грек Спиридон (1891–1898 гг.) был вынужден подать в отставку. На его место был избран патриарх из арабов Мелетий Думани (1899–†1906 гг.).

Зарубежные историки связывали это событие, прежде всего, с ростом антигреческих националистических настроений православных арабов в «Великой Сирии» (совр. Сирия, Палестина, Ливан и Иордания). Лишь немногие из них, например, англичанин Дерек Хопвуд или официальный историк Антиохийской церкви Асад Рустум, догадывались о некой причастности Петербурга к этому событию. В начале XX в. русский историк-византист А.П. Лебедев по поводу избрания патриархом Антиохийским араба писал со ссылкой на «Церковные ведомости» от 1899–1900 гг.: «Есть основания думать, что сирийцы обязаны таким счастливым результатом благовременному содействию со стороны России...»¹.

То, что за греческих митрополитов Антиохийской церкви (а значит, и Греческого Королевства) выступала западная дипломатия (Великобритания, Франция и Германия), а также некоторые османские визири и паши, было неудивительно. Не вызывал удивления у современников и факт активной вовлеченности в конфликт российского консула в Дамаске и генерального консула в Бейруте, а также их непосредственного начальника – российского посла в Константинополе. Но то, что окончательно данный вопрос решался на высшем уровне – между монархами соседних империй султаном Абдул Хамидом II и царем Николаем II, знали лишь немногие.

Атмосфера особой секретности и деликатности окружала проблему. В Султанском дворце на Босфоре и Зимнем дворце на Неве не хотели придавать гласности этой теме, поскольку она затрагивала интересы многих сторон. Вселенского (Константинопольского) патриарха как *рум миллет баши* (главы православного сообщества Османской империи),

проживавшего в христианском столичном квартале Фанар; афинского правительства, Великобритания, поддерживавшей Грецию против России, и других государств.

В Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) МИД РФ автор изучил материалы, проливающие свет на то, как развивалась в сути своей дипломатическая коллизия. В нее был вовлечен целый ряд столиц и церквей, включая Константинопольскую, Александрийскую, Иерусалимскую православные церкви, возглавляемые греческими патриархами, и даже Римско-католическую церковь.

Два слова предыстории.

В ходе патриарших выборов на Антиохийский престол 1885 и 1891 гг. арабские архиереи и представители православной общины Сирии шли на определенный компромисс с греческими консулами и духовенством Иерусалимской церкви: за деньги и награды² соглашались на то, чтобы кафедру Антиохийской церкви занял очередной представитель Святогробского братства³. В 1899 г. противоборство и непримиримость позиций арабов и греческих клириков обозначились уже более выпукло. Была очевидна неспособность арабского большинства объединиться перед лицом эллинистического меньшинства, поддерживаемого Фанаром, Святогробской братией, османской Портой, афинским правительством, а также английским, французским и другими консулами в Сирии.

Перед православными сирийцами стояло множество нерешенных проблем: постоянная смена правил игры османами и святогробцами в рамках подготовки к патриаршим выборам; отсутствие своего церковного устава и четкого закона о патриарших выборах, а также вычеркивание Портой арабских имен (при сохранении греческих) из списка претендентов на патриарший престол. Это делалось османскими властями на том юридически безупречном основании, что Антиохийская церковь до 1906 г. продолжала действовать по уставу Константинопольской церкви (1861 г.) как часть Вселенской, или Греко-восточной церкви. Все это заставило православных арабов серьезно задуматься над причинами своих поражений и сделать надлежащие выводы. Надо сказать, что

слабым местом в действиях православных арабов Сирии было отсутствие единого церковно-светского центра по выработке скоординированных усилий по борьбе с греко-османскими интригами. К этому можно добавить отсутствие прочных контактов сиро-православных христиан с арабо-православной общиной Палестины.

Трудное положение могло сломать, казалось, самых стойких и авторитетных арабских представителей. В создании сложностей для арабов греки-церковники успешно конкурировали с администраторами-турками. Активно и напористо, как всегда, работала эллинистическая пропаганда, сбивавшая с толку арабов, не всегда понимавших из-за отсутствия достоверной информации, что же на самом деле происходило внутри и вокруг Антиохийского патриархата.

Российская дипломатия убедилась в неэффективности политики «джентльменских договоренностей» с греческим правительством относительно соблюдения нейтралитета Афин и Петербурга в отношении конфликтующих на Леванте сторон. Отсутствие политико-материальной поддержки от «третьей стороны» в период избирательной кампании патриарха убедило Петербург в необходимости занять более четкую и принципиальную позицию в арабо-греческом споре за патриаршее кресло. В 1892 г. в Дамаске по просьбе арабских митрополитов и местной знати – *архонтов* было открыто русское консульское представительство при Антиохийском престоле. Его возглавил переведенный из Иерусалима известный впоследствии дипломат-арабист А.П. Беляев.

Тем временем в Антиохийской церкви нарастало дальнейшее обострение отношений арабской православной общины с греческими иерархами. В патриаршество Спиридона Антиохийского (1891–1898 гг.) затянувшийся на долгие семь лет спор между арабами и греками за контроль над Антиохийским патриархатом, который получил у сирийских историков название «патриаршего кризиса», достиг своего апогея. На этот период пришлось, кроме того, усиление прозелитической пропаганды католических и протестантских организаций в рядах сирийской православной общины, а также раскол Антиохийского Синода на два непримиримых лагеря – арабский и греческий. Для Фанара и святогробцев было невероятным, что к арабскому лагерю примкнул греческий митрополит Никодим Аккарский. Он был очень любим своей арабской паствой, с которой предпочитал общаться на ее родном

арабском языке⁴. В разгар «патриаршего кризиса» сирийский вали Хасан-паша был завален бесчисленными жалобами православных арабов на греческого патриарха Спиридона⁵.

Когда стало ясно, что патриарх Спиридон не способен руководить Антиохийским патриархатом, подавляющее большинство паствы которого составляли этнические арабы, члены Синода – греческие и арабские митрополиты – призвали своего архипастыря добровольно уйти в отставку⁶. Под давлением греческих митрополитов, недовольных Спиридоном, но надеявшихся так или иначе оставить патриарший трон в Дамаске за собой, новый вали Дамаска Назым-паша стал ходатайствовать перед Портой об отставке Спиридона и о замене его новым греческим митрополитом. При этом Назым-паша решительно отклонил призывы светских лидеров православной общины избрать местоблюстителем патриаршего престола архиерея из местных арабов, так как это выглядело бы серьезной заявкой арабской общины на предстоящие патриаршие выборы. Последнее, по мнению вали (и Порты), могло вызвать недовольство Вселенского патриарха и всех греков-фанариотов. Тем не менее православные «старшины» объединились вокруг своих арабских митрополитов, предложив на патриарший престол от арабской общины кандидатуру арабского митрополита Мелетия Лаодикийского. На этот раз местные светские турецкие власти и епархиальные митрополиты-арабы впервые в XIX в. выступили единым фронтом против греческой ксенократии («власти чужаков»), твердо решив вывести Антиохийскую церковь из-под навязчивой опеки Святогробской братии и Фанара с конечной целью восстановления арабского патриаршества⁷.

Причиной этому послужили два обстоятельства. С одной стороны, митрополиты из арабов составляли большинство в Синоде: из двенадцати архиереев – восемь. С другой стороны, накануне «патриаршего кризиса» сирийским греко-католикам удалось добиться утверждения Портой в патриарший сан избранного ими самостоятельно (даже без вмешательства Ватикана) араба Бутроса Джейраджери, и теперь они соблазняли православных арабов перейти под его арабский омофор. Это содействовало успешной прозелитической активности местных униатов, активно вербовавших в свои ряды православных арабов из числа тех, кто был недоволен засильем греческой ксенократии в Сирии и Палестине⁸. Это обстоятельство заставляло православных арабов Сирии и Палестины солидаризироваться в

борьбе с греческим духовенством за свои права, поставив на повестку требования арабизации (*та'риб*) Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Если для Иерусалима слово *та'риб* означало довольно скромную по масштабу «программу-минимум» – обретение доступа к управлению Иерусалимским патриархатом, то для Дамаска – амбициозную «программу-максимум»: избрание на Антиохийский престол арабского патриарха.

Решимость православных митрополитов-арабов избрать патриархом араба встретила отчаянное сопротивление со стороны греческих клириков Константинополя, Александрии и Иерусалима. Вскоре греко-арабское противостояние приняло ожесточенный характер, исключавший возможность компромисса⁹. Такое положение дел вызвало пристальное внимание российского правительства. Высказывались опасения относительно того, что в случае отказа удовлетворить требования православного арабского населения часть его может перейти в унию, что являлось нередким делом в истории Антиохийской церкви.

Судьба учрежденных к тому времени в Сирии Императорским православным палестинским обществом (ИППО) 82 православных школ во многом зависела от исхода затянувшейся на десятилетия распри арабов с греками, выступавших против создания русских школ на территории палестинских и сирийских епархий. В случае сохранения власти греческих иерархов в Сирии митрополиты-греки обещали добиться от Порты согласия на перевод этих школ в ведение патриарха Спиридона. Арабы же в случае своей победы обещали не препятствовать созданию русских школ по линии ИППО на территории Антиохийского патриархата. Мнение о необходимости поддержки православных архиереев-арабов разделяли председатель ИППО великий князь Сергей Александрович, обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев и российский министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев (1845 – 1900; 1897 – † 1900).

Сирийский вали Назым-паша, обеспокоенный ростом активности православных арабов в Сирии и Палестине, по указанию Порты приказал Антиохийскому Синоду избрать преемника патриарха Спиридона¹⁰. По призыву местных светских властей православной сирийской общины 31 января 1898 г. Синод и местные архонты объявили об отставке Спиридона «по собственному желанию» и избрании местоблюстителем патриаршего престола митрополита-грека Германа Киликийского,

который тут же телеграфировал об этом Вселенскому патриарху¹¹.

В беседе Назым-паши с А.П. Беляевым вали заверил российского консула, что не намерен выступать против желания арабов избрать своего патриарха. Одновременно он сообщил А.П. Беляеву о решении Спиридона подать в отставку и о просьбе к паше «выхлопотать ему (у Дамасского Синода. – М.Я.) пенсию и право поселиться в Вифанском монастыре, что близ Иерусалима (монастырь св. Лазаря Четырехдневного. – М.Я.)». Назым-паша передал просьбу Спиридона в Стамбул и просил А.П. Беляева сделать то же самое¹².

Под давлением Порты Вселенский патриарх был вынужден признать отставку патриарха Спиридона, несмотря на отсутствие кворума на Архиерейском синоде. Он официально сообщил остальным патриархам о содержании полученного от местоблюстителя Германа уведомления об отставке Спиридона¹³. 23 февраля 1898 г. Порты утвердила решение о низложении Спиридона, однако в угоду грекам вменила в обязанность Назым-паше не допускать включения в список кандидатов на патриарший престол имен местных иерархов из арабов. Это распоряжение вызвало в Сирии волну арабского гнева и негодования. А.П. Беляев писал И.А. Зиновьеву: «Если оттоманское правительство не даст канонической свободы выборам, то ослабится сплывающая архиереев сила на почве автокефальности Антиохийской церкви – и на Патриарший Престол может быть посажен вновь богатый святогробец»¹⁴. Греческие и арабские митрополиты – члены Синода договорились между собой не допускать обвинения Спиридона в *симонии* (продаже церковных должностей). Его, по их мнению, следовало отпустить на покой без скандала и без церковного суда, который мог бы лишить владыку всех регалий и пенсии.

Назым-паша информировал Антиохийский синод о решении Порты предоставить архиереям право включать в список кандидатов на выборы имена иерархов как от Антиохийской церкви, так и от Вселенского патриархата. Он доверительно сообщил консулу в Дамаске А.П. Беляеву, что со своей стороны сделал все возможное, чтобы убедить Порту изменить решение о недопущении арабских митрополитов к выборам. Свою аргументацию он подкрепил тем, что в случае победы арабского кандидата арабы оказали бы необходимую поддержку османскому правительству в борьбе с усилением влияния Греции в Сирии в условиях активизации католической пропаганды.

Ввиду важности данного вопроса для российского правительства посол И.А. Зиновьев был вынужден обратиться к османским министрам, а затем и непосредственно к султану Абдул Хамиду II с просьбой об отмене отданного Назым-паше приказа об отстранении арабских архиереев от участия в выборах¹⁵.

Падишах удовлетворил просьбу российского посла. Приободренные этим успехом арабские митрополиты пошли в наступление, возобновив требования об исключении из числа кандидатов на патриарший престол иерархов, указанных Константинопольским и Иерусалимским патриархами¹⁶.

Поборниками притязаний Константинопольского и Иерусалимского патриархов выступили местоблюститель Антиохийского патриаршего престола митрополит-грек Герман Киликийский и еще два греческих митрополита – Нектарий Алеппский и Вениамин Диарбекирский. Вскоре количество кандидатов-неантиохийцев сократилось до двух: одного от Константинопольской патриархии и одного от Иерусалимской, но арабы продолжали стоять на своем¹⁷.

12 мая 1898 г. в Дамаске состоялось заседание Архиерейского синода для составления списка кандидатов на патриарший престол. В нем приняли участие одиннадцать архиереев и десять представителей сирийских православных общин. Список был составлен в соответствии с мнением большинства, но местоблюститель патриаршего престола Герман Киликийский отказался утвердить его своей подписью, так как в него не были включены имена кандидатов, внесенные Константинопольским и Иерусалимским патриархами. Назым-паша настойчиво советовал внести греческих митрополитов в список кандидатов, чтобы снять остроту конфликта, но арабские митрополиты были непреклонны. И.А. Зиновьев писал министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву: «Автокефальная Антиохийская церковь не нуждалась более в чуждой опеке. Но этого не хотят допустить ни греческие иерархи, ни официальные представители греческого правительства в Турции, стоящие за безусловное сохранение существовавших до сих пор порядков, невзирая на ту опасность, которой может подвергнуться православие в Сирии в случае игнорирования законных вождедений арабов»¹⁸.

На том же заседании Антиохийского синода большинством голосов митрополитов каймакам Герман Киликийский был объявлен низложенным, а вместо него местоблюстителем

был избран арабский митрополит Мелетий Лаодикийский. Однако султан формально признал его в этом звании только в феврале 1899 г. До этого Порты продолжала официально контактировать с архиереями Антиохийского патриархата через смещенного митрополита-грека Германа Киликийского¹⁹.

Греческая пресса, в том числе орган Вселенского патриархата газета «Церковная правда», вступила в словесную полемику не только с православными арабами Сирии, но и с российскими дипломатами в Константинополе, Дамаске и Афинах. В ответ на резко усилившееся вмешательство греческого правительства и открытую антироссийскую пропаганду министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев «поставил на вид афинскому кабинету» за деятельность его агентов в Сирии²⁰. Вследствие этого посол И.А. Зиновьев, несмотря на обращения Константинопольского патриарха Константина V, приостановил свои контакты с *рум миллет баши*, поручив это старшему дипломату посольства советнику Ю.Н. Щербачеву. Последний с апреля по июль 1899 г. исполнял обязанности поверенного в делах Посольства в Константинополе, замещая находившегося в отпуске посла И.А. Зиновьева.

Высокая Порты поначалу согласилась удовлетворить жалобы Константинопольского и Иерусалимского патриархов на отказ арабов включить их кандидатов в список претендентов. Однако после ряда представлений российского посла Абдул Хамид II конфиденциально информировал И.А. Зиновьева о том, что его правительство не будет настаивать на пере выборах и удовлетворится лишь формальным заявлением Антиохийского синода по завершении процедуры избрания патриарха. Султан присовокупил к этому, что он хорошо понимает, что этим решением он может восстановить против султанской власти и его правительства не только Восточных патриархов, но и большинство греческого населения Османской империи и даже Францию. Тем не менее, по словам Абдул Хамида II, он предпочел «не останавливаться перед этими затруднениями, желая доказать российскому правительству свою готовность следовать его советам в вопросах, касающихся Православной церкви»²¹.

К середине апреля 1899 г. ситуация с выборами приблизилась к завершению. Несмотря на то, что окончательный список кандидатов все еще находился в Константинополе, Антиохийский Синод и сирийские архонты решили выборы провести. Консул А.П. Беляев

предостерегал Синод от поспешного начала акции до возвращения утвержденного Портой списка кандидатов, чтобы не вызвать возможных осложнений с признанием турками законности избрания патриарха. Однако сирийскую православную общину было уже невозможно удержать, и 15/27 апреля 1899 г. местоблюститель патриаршего престола Мелетий Думани был избран патриархом Антиохийским и всего Востока (1899–1906 гг.)²².

Несмотря на протесты греков по поводу отсутствия в списке греческих кандидатов, Антиохийский синод решился на проведение выборов, исходя из принципа автокефальности Антиохийской церкви. Никто из присутствовавших на выборах не опротестовал результат, что и было зафиксировано в юридическом протоколе (*мазбате*), который был отправлен на одобрение и утверждение в Высокую Порту. Этот день вошел в историю Сирийской православной церкви как «День освобождения Антиохийского престола» (*яум тахрир аль-курсий аль-антакий*)²³.

К состоявшимся выборам великий визирь Халиль Рифат-паша и министр иностранных дел Тауфик-паша отнеслись как к свершившемуся факту. В доверительной беседе с первым драгоманом российского посольства великий визирь Халиль Рифат-паша даже посетовал на упрямство Вселенской патриархии, «из-за которого она утратила теперь арабов в Сирии, как в скором времени утратит сербов в Македонии», и при этом выразил свое личное мнение, что «в сущности Антиохийский патриарх и следовало бы быть арабу»²⁴.

Посол И.А. Зиновьев в депеше графу М.Н. Муравьеву сообщал, что 28 мая 1899 г. султан Абдул Хамид принял представителей местных немусульманских исповеданий. На аудиенции он выслушал приветствие, произнесенное Вселенским патриархом Константином V (1897 – 1901 гг.), последним *рум миллет баши* XIX в., как старшим из присутствовавших, и высказал им свое благоволение и готовность заботиться о благосостоянии своих подданных «без различий вероисповеданий». В порыве верноподданнических чувств *капу кехая* местоблюстителя патриаршего престола Армяно-католической церкви Асуйян выкрикнул: «Да здравствует наш падишах!» и, подойдя к султану, поцеловал его руку. К всеобщему удивлению, его примеру последовал Вселенский патриарх, а затем и остальные присутствующие.

Греки-фанариоты были возмущены поведением патриарха Константина, который, по

их словам, «облобызав руку врага православия, унизил свой сан и пренебрег преданиями, запрещавшими это, его предшественниками, некоторые из коих поплатились жизнью, защищая права и достоинство Православной церкви»²⁵.

Данный эпизод продемонстрировал своего рода «соревновательный» дух, царивший в среде глав различных исповеданий, которые в присутствии падишаха и османских властей отнюдь не скрывали свои верноподданнические чувства. Фанариоты зря возмущались поступком своего предстоятеля. Ведь после того, как в 1821 г. султан Махмуд II повесил Григория V на воротах патриаршей резиденции в Фанаре, «этнархам греческой нации» не раз приходилось целовать не только рукав или плечо, но и нижние края одежды падишаха. Данный жест можно также трактовать скорее как проявление изрядной дипломатической ловкости *рум миллет баши* и знания того, как ведутся дела на Востоке, нежели как попытку султана принизить православие.

Султан сдержал данное И.А. Зиновьеву слово, сообщив ему 22 октября (3 ноября) 1899 г., за день до официального издания Высокой Портой соответствующего султанского *ираде*, о факте признания им итогов выборов и об утверждении полномочий Мелетия II Думани в качестве патриарха Антиохийского и всего Востока²⁶.

Избрание на патриарший престол «Великой Антиохии» араба Мелетия было с воодушевлением и ликованием воспринято на православном Арабском Востоке. Новость об этом событии быстро разлетелась по всему Леванту. На страницах египетских и сирийских газет печатались многочисленные поздравления в адрес патриарха Мелетия, Синода Антиохийского престола и сирийской православной общины.

Дамасский вали Назым-паша удовлетворил просьбу греческих митрополитов Нектария Алеппского, Германа Киликийского, Вениамина Диарбекирского и Серафима Иринопольского и выдал им подорожную (*тезкере*) на выезд из Дамаска в Бейрут для встречи с греческим консулом, а оттуда – в Константинополь. Они хотели добиваться от Порты отмены *ираде* Абдул Хамида II.

Греческие митрополиты нарушили регламент взаимоотношений с Портой, поскольку для получения подобного документа они должны были обратиться к Синоду или к патриарху. Греческие архиереи демонстративно высказали свое негативное отношение к ново-

му арабскому руководству Сирийской церкви. В ответ Синод Антиохийского патриархата своим постановлением официально удалил греческих митрополитов-«отказников» из членов Синода и патриархата, назначив на возглавляемые ими ранее митрополичьи кафедры арабских архиереев²⁷. Единственный греческий митрополит Никодим Аркадийский (Никола Константинович Зуграфополос), поддержавший кандидатуру Мелетия, стал восприниматься греками как предатель национальных интересов. В 1901 г. он был отравлен неизвестными лицами в Бейруте. После его смерти Аркадийскую кафедру занял Василий Даббас (Амин Юсеф Бен Хана Бен Джурджус, 1903–†1938 гг.)²⁸, и более грекам не суждено было управлять антиохийскими епархиями.

Выход Антиохийской церкви из-под «плотной опеки» греческих патриархов Востока еще больше углубил греко-арабское противостояние внутри Восточно-православной церкви Османской империи. Под вопросом оказалась сама возможность восстановления «евхаристического общения» (дипломатических отношений. – *М.Я.*) с греческими патриархатами Константинополя, Александрии и Иерусалима. 1 мая 1899 г. Синод от имени патриарха Мелетия подготовил, а затем и разослал в адрес всех православных церквей «канонические мирные послания» в надежде на признание своего патриарха-араба греческими патриархами православной ойкумены, Святейшим Правительствующим Синодом и остальными поместными церквями. Каждый новоизбранный православный патриарх после традиционного христианского приветствия сообщал о своем избрании, титуле и просил ответить на свою грамоту. Поэтому ответное послание означало не только официальное признание, но и то, что отныне имя данного новоизбранного патриарха заносилось в диптих данной православной церкви и произносилось на ектиниях.

Первым и единственным на «известительную грамоту», как ее называли в Петербурге, откликнулся (31 декабря 1899 г./12 января 1900 г.) Святейший Правительствующий Синод. Затем, уже в 1901 г., под давлением России Мелетия признали в патриаршем сане Румынская и Черногорская православные церкви, а в январе 1902 г. – их «Сербская сестра»²⁹.

По характеристике князя Б.Н. Шаховского, патриарха Мелетия уважали практически все, однако любили немногие. Патриарх действовал всегда самостоятельно, был упрям и настойчив в достижении поставленных целей. Несмотря

на то, что он старался поддерживать ровные отношения со своим окружением, в конце концов «он был отравлен морфием»³⁰ кем-то из его представителей. В качестве официальной версии было объявлено, что патриарх Мелетий скончался от обширного инсульта.

С избранием на Антиохийский престол нового патриарха Григория IV Хаддада (1906–1928 гг.) 30 августа 1906 г. в адрес всех автокефальных православных церквей были вновь отправлены «мирные послания». Теперь уже император Николай II поставил перед своей дипломатией более масштабную задачу: добиться признания арабского патриарха греческими патриархами.

Назвав патриарха Григория IV в день интронизации (13/26 августа 1906 г.) «непоколебимым столпом Церкви», викарий митрополита Московского епископ Афанасий призвал все автокефальные церкви ответить в духе братской любви на его приветственные послания. Вслед за Россией Григория Хаддада признали все те же автокефальные «неэллинские» церкви – Румынская, Черногорская и Сербская. Греческую неуступчивость российскому двору удалось переломить за три года с помощью русского серебряного рубля. Петербург приостановил приток средств от доходов с бессарабских монастырских имений для Восточных патриархов, пока те не установят «братские взаимоотношения» с Антиохийским престолом³¹.

Награждение султаном Абдул Хамидом II патриарха Григория Хаддада орденом Славы первой степени «за преданность и верность своему служению» стало четким сигналом Порты греческим митрополитам-отказникам: прекратить разглагольствовать на уже не актуальную тему «нелегитимности» арабского патриаршества в Дамаске³².

В 1909 г. все три Восточных патриарха – сначала Вселенский Иоаким (14 августа), затем Александрийский и Иерусалимский – направили Антиохийскому «брату во Христе» ответные послания с признанием владыки Григория патриархом Антиохийским и всего Востока³³.

Тогда, на рубеже XIX и XX вв., многие наблюдатели считали невероятным сам факт смещения патриарха-грека и замены его арабом, а тем более – признание избрания араба греческими патриархами. Но если принять во внимание политический контекст, т. е. сближение османского и царского дворов и зародившийся острый конфликт между патриархами Константинопольским и Иерусалимским из-за

различия взглядов на дальнейшее развитие отношений греческого духовенства с арабской паствой в лоне «Матери Церкви», то вовлеченность Петербурга и Стамбула в разрешение возникшей проблемы уже не будет выглядеть столь неожиданной.

Важно отметить также следующее обстоятельство. В Иерусалимском патриархате арабы-палестинцы находились в более униженном положении, чем их сирийские единоверцы в Антиохийском. После того, как в 1534 г. патриарх-араб Аталла (Дорофей II) снял с себя патриарший омофор, завершилась эпоха арабского патриаршества, на кафедру взошел греческий владыка. К концу XV в. все кафедры в Иерусалимской церкви были заняты греками, а представители местного православного населения из арабов были лишены греческими архиереями возможности принять монашеский постриг, чтобы в будущем стать архиереем.

Для Антиохийской церкви во всей ее полноте, то есть клириков и паствы, избрание патриарха-араба означало своего рода триумф национальной и громкой победы над греческой ксенократией в рамках политики арабизации. В соседнем Иерусалимском патриархате отзвуки этого события воодушевили лидеров арабской православной общины на борьбу за достижение своих национальных прав в церкви, которая продолжается по сей день.

Приложение

**ГРАМОТА ЕГО БЛАЖЕНСТВА
МЕЛЕТИЯ ДУМАНИ,
БЛАЖЕННЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
АНТИОХИЙСКОГО И ВСЕГО ВОСТОКА
ЕГО СИЯТЕЛСТВУ
ГРАФУ МИХАИЛУ МУРАВЬЕВУ,
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВЕЛИКОГО ИМПЕРАТОРА РОССИИ**

Господин Министр,

После своего взошествия на Апостольский Антиохийский престол считаем своим почетным и приятным долгом выразить Вашему Превосходительству нашу глубокую признательность за христианское внимание, оказанное Вами делу сохранения интересов нашей автокефальной Антиохийской церкви и покровительству ее священных прав. Благодаря этому покровительству [патриаршие] выборы прошли в условиях полной свободы и в соответствии со священными канонами нашей православной церкви.

Проявленное Правительством Его Величества великого императора России благодетельное и справедливое попечительство над вышеупомянутыми выборами явилось новым доказательством успеха Церкви во всей вселенной. Эта забота претворила в жизнь чаяния и устремления тысяч православных сирийцев, которые со всей беззаветной истинной любовью и приверженностью своей великой и возлюбленной покровительнице – России – увидели в ее недавнем благодеянии убедительное свидетельство ее симпатии к ним и ее заинтересованность в том, чтобы они были счастливы.

Что касается возложенной на нас задачи, то, на наш взгляд, она является тяжелой и сложной, учитывая нашу слабость и наши ограниченные возможности, а также неутешительное состояние нашего Антиохийского патриаршего престола, который долгое время находился в упадке в то время, как все христианские миллеты (религиозные общины. – *М.Я.*), проживающие в границах нашего Патриархата, значительно опережают нас с помощью ухищренных пропаганд и по числу своих религиозных школ.

Однако, с одной стороны, будучи уверенными в том, что Господь наш Иисус Христос, глава святой Церкви и ее великий основатель, сказал: «Я буду пребывать с Вами до скончания века», никогда не будем забывать о его Милости Божьей, которая дарует нам необходимые силы для несения священного послушания. С другой стороны, мы убедились в том, что Его Величеству Императору, нашему высочайшему покровителю, было угодно всегда предоставлять нам свое могущественное покровительство и свое благоволение с целью восстановления славы и престижа нашего Апостольского престола. Вот почему мы уверены в том, что нам удастся осуществить те высокие помыслы, которые возлагались на наше избрание и что нам удастся поднять авторитет Антиохийского престола на высокий уровень, достойный чаяний его основателей апостолов Петра и Павла.

Таким образом, мы просим Вас, господин Министр, благоволить передать наши чувства глубокой признательности и безграничной благодарности Его Величеству Императору Николаю Второму, высочайшему покровителю православия и крепителю основ всеобщего мира, и донести до оснований его императорского трона чувства нашего всеобщего уважения и преданности, особо отметив, что наши взоры всегда обращены к небу с мольбой о ниспослании Его Императорскому Величеству и всем

членам его царской фамилии божественной благодати. Смеем надеяться, что его неизменное благоволение и могущественное покровительство никогда не оставят нас.

Да пребывают с Вами наше апостольское благословение, мир и благодать Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Имеем честь быть
Вашего Превосходительства недостойный
и смиренный проситель
Мелетий,
Патриарх Антиохийский и всего Востока
Дамаск, 9 декабря 1899 года.

АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1900 г., д. 3529, л. 3-5 об. Послание Блаженнейшего Мелетия, Патриарха Антиохийского министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву (на араб. яз., с переводом на фр. яз.). Дамаск, 9 декабря 1899 г. (Перевод с арабского оригинала на русский язык М.И. Якушева).

Примечания

¹ *Лебедев А.П.* История греко-восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (1453 г.) до настоящего времени. Книги I–II. СПб., 2004. Т. I, с. 323.

² Бейрутского и дамасского пашей и тех антиохийских архиереев, которые поддерживали идею избрания на Антиохийский престол иерусалимского иерарха, греческие консулы вознаграждали орденами в виде массивного серебряного креста.

³ Иноческий орден в лоне Иерусалимской церкви, куда с XVI в. принимались исключительно этнические греки, из которых формировалось впоследствии все святогорское архиерейство в Палестине.

⁴ *Истфан, Наиф Ибрахим, аль-хури* (священник). Тарих абрашият Аккар аль-уртудуксия (История Аккарской епархии). Джуния, Ливан, 1994. С. 66–67.

⁵ А.П. Беляев – И.А. Зиновьеву. 30 декабря 1897 г., № 357. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1898 г., д. 3523, л. 2–2а.

⁶ *Рустум, Асад.* Канисат мадинат Алла антакийят аль-узма (Церковь Божьего Града Великой Антиохии). Т. I–III. Бейрут, 1988. Т. III, с. 268.

⁷ Записка российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева о настоящем положении Антиохийской Церкви. Представлена на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение 17 июля 1908 г. – АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, 1909–1910 гг., д. 3439, л. 189–193 об.

⁸ Деша И.А. Зиновьева. Пера, 9/21 апреля 1898 г. № 71. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1898 г., д. 3523, л. 30–30 об.

⁹ См. упомянутую «Записку...» И.А. Зиновьева от 17 июля 1908 г. Л. 189–193 об.

¹⁰ *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 268.

¹¹ Выписка из донесений А.П. Беляева. Дамаск, 2 и 6 Февраля 1898 г., № 34 и 37. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1898 г., д. 3523, л. 13–14 об.; *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 268.

¹² А.П. Беляев – И.А. Зиновьеву. Дамаск, 22 января 1898 г. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), 1898, оп. 482, д. 3523, л. 11–11а.

¹³ Деша И.А. Зиновьева. Пера, 8 января 1898 г. Там же, л. 3–5.

¹⁴ А.П. Беляев – И.А. Зиновьеву, 2 и 6 февраля 1898 г. Там же, л. 13–14 об.

¹⁵ Деша И.А. Зиновьева. Пера, 19/31 марта 1898 г. Там же, л. 26–28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Деша И.А. Зиновьева. Пера, 16/28 апреля 1898 г. Там же, л. 31–32 об.

¹⁸ Деша И.А. Зиновьева. Пера, 20 августа/1 сентября 1898 г. Там же, д. 3524, л. 82–83.

¹⁹ Деша И.А. Зиновьева. Буюкдере, 15/27 октября 1898 г. Там же, л. 93–93 об.

²⁰ Секретная депеша министра М.Н. Муравьева поверенному в делах миссии в Афинах А.А. Смирнову. С.-Петербург, 14 июля 1898 г. Там же, д. 3524, л. 54–54 об.

²¹ Записка российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева о настоящем положении Антиохийской церкви... Там же, д. 3439, л. 189–193 об.

²² Секретная телеграмма Ю.Н. Щербачева в Петербург. Пера, 16 апреля 1899 г. Там же, д. 3525, л. 9; то же от 17 апреля 1899 г. Там же, л. 10–10 об.; выписка из донесения А.П. Беляева. Дамаск, 27 апреля 1899 г. Там же, л. 14–14 об.

²³ *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 271.

²⁴ См. депешу Ю.Н. Щербачева от 22 апреля 1899 г. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1899 г., д. 3525, л. 12–14.

²⁵ Деша И.А. Зиновьева от 12 июня 1899 г. Там же, д. 3524, л. 20.

²⁶ См. депешу И.А. Зиновьева от 30 октября/11 ноября 1899 г. Там же, д. 3525, л. 92–94 об.

²⁷ Деша И.А. Зиновьева от 11/23 декабря 1899 г. Там же, д. 3529, л. 6–6 об.

²⁸ *Истфан, Наиф Ибрахим, аль-хури* (священник). Указ. соч. С. 66–68.

²⁹ А.П. Беляев – И.Ф. Зиновьеву, 21 сентября 1901 г. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1901 г., д. 3533, л. 27–28; Н.В. Чарыков (Белград) – в МИД, 19 октября 1901 г. Там же, л. 33–33 об.; Н.В. Чарыков (Белград) – в МИД, 30 января 1902 г. Там же, д. 3537, л. 3.

³⁰ Б.Н. Шаховской – Н.В. Чарыкову. Дамаск, 9 декабря 1909 г. – АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, 1909–1910 гг., д. 3439, л. 99–106; *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 323.

³¹ Н.В. Чарыков – в МИД, 5/18 августа 1909 г. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, 1909 г., д. 3616, л. 54; он же 15 октября 1911 г. Там же, л. 55.

³² *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 332.

³³ Б.Н. Шаховской – Н.В. Чарыкову. Дамаск, 9 декабря 1909 г. – АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, 1909–1910 гг., д. 3439, л. 99–106; *Рустум А.* Указ. соч. Т. III, с. 332.